

— Когда он произносил слово развлечения, его неестественная пауза навела меня на дурные мысли.

— Что такое Зал Вечной Радости? И где сейчас этот телохранитель Цзян? — решила я зайти издалека.

— Зал Вечной Радости — это место, где вы обычно... проводите время с вашими Супругами... — Намеренно смутные слова не требовали больших усилий для догадки, ничего хорошего за ними скрываться не могло, а его дальнейшая запинаящаяся речь лишь усилила моё отвращение к нраву Куан Сихань. — А телохранитель Цзян... С тех пор как вы потеряли сознание, господин Янь приказал взять её под стражу, слуги говорят, сейчас её, должно быть, всё ещё держат в Зале Вечной Радости в ожидании вашего приговора.

— ...Княгиня желает её видеть. — Я облизала губы, внезапно ощутив непреодолимое желание встретиться с этой женщиной немедленно: телохранитель Цзян вполне могла оказаться последней, кто видел Куан Сихань, и, возможно, она знала, что именно произошло.

— Помилуйте, княгиня! Господин Янь отдал приказ: пока вы не поправитесь, вам запрещено покидать эту комнату. — Он резко повысил голос, словно пытаясь привлечь внимание стражи за дверью, и я была уверена, что раздавшийся только что щелчок замка мне не послышался.

— ... — Я перевернулась на другой бок, зарывшись лицом в плотное и гладкое шелковое одеяло. Быть повсюду зависимой от других и личной свободы не иметь — Куан Сихань в роли княгини вела себя поистине жалко. Неужели я, унаследовавшая ее тело, должна буду, как и она, превратиться в эту запертую в клетке золотую птичку?

Но как бы сильно ни бушевали во мне гнев и разочарование, изменить нынешнее положение дел за мгновение не получится.

Все, что мне оставалось, — это просто смириться.

Цзян Чжо

На следующий день, умывшись и приведя себя в порядок при помощи Сяо Чаня, я уже почти научилась не обращать внимания на то, что он противоположного пола. Если смотреть только на его миловидное личико и рост чуть ниже моих бровей, вполне можно было принимать его за обычную девушку.

Позавтракав легкими и аппетитными блюдами, Янь Кэ снова пришла ко мне в комнату в сопровождении нескольких телохранителей. В руках она держала пиалу с темно-коричневым отваром китайской медицины, от которого исходил горький запах:

— Княгиня, хорошо ли вы отдохнули минувшей ночью?

Я до дна осушила поданный ею отвар, вернула пустую пиалу и с легкой улыбкой ответила:

— Очень хорошо.

Она с легким удивлением посмотрела на меня, а затем мягко произмила:

— С чего это княгиня сегодня такая послушная? Пьете лекарство легко, как водичку, совсем не похожи на себя прежнюю — бывало, вы всякий раз плакали и устраивали истерики, когда

приходилось принимать отвары.

Говоря это, она взяла у телохранителя небольшую баночку с цукатами, достала один и поднесла к моим губам. Я взял из её рук ягоду и съел, лишь неловко усмехнувшись: Проснувшись после сна, я подзабыл кое-что из прошлого, зато постиг новые истины и теперь чувствую, что больше не могу вести себя так же капризно, как прежде.

Лицо у вас и впрямь посвежело, совсем не то что раньше, когда приходилось подолгу метаться в постели, прежде чем наступало улучшение. Она вытерла руки и тоже улыбнулась мне в ответ. Я заметила, что её руки вовсе не такие нежные и гладкие, как кожа на лице, — это были грубые, покрытые мозолями руки человека, познавшего немало жизненных невзгод.

Ттушка Кэ, раз уж я послушалась твоего совета и занялась здоровьем, не пора ли и тебе выполнить обещание и позволить мне увидаться с тем телохранителем Цзян? Отведя взгляд от её рук, осторожно поинтересовалась я.

Ваша Светлость! — она неодобрительно глянула на меня, но в её взгляде нежность преобладала над досадой. — Ладно уж... Сходите взглянуть на неё, чтобы вы перестали вечно о ней думать и наконец занялись здоровьем. Только у вас есть лишь четверть часа.

Я знаю, — послушно закивала я — похоже, эта Ттушка Кэ и впрямь во всём потакала Куан Сихань.

Бин Сань, Бин Сы, сопровождайте и защищайте Вашу Светлость, смотрите, чтобы эта девка по фамилии Цзян не посмела проявить неуважение к Вашей Светлости, — обернувшись, отдала она приказ двум стоявшим позади стражам, а затем с сомнением добавила, обращаясь к Сяо Чань: — И ты тоже держись возле Вашей Светлости, прислуживай ей, а как истечет четверть часа — провожай обратно отдыхать.

Слушаюсь, — торопливо закивала Сяо Чань.

Под её бесконечные напутствия и предостережения мне наконец разрешили выйти из спальни, и в сопровождении целой толпы слуг и стражи я величественной процессией направилась к внутреннему двору, окруженному извилистыми галереями.

Вскоре тело начало утомлять легкое недомогание, а перед глазами наконец предстал павильон, утопавший в пышных цветах. На вывеске, написанной до боли знакомым мне почерком лишу, красовались три иероглифа: Зал Вечной Роскоши. Письмена были чистыми и изящными, но им немного не хватало внутреннего стержня — сразу было видно, что у автора не хватило сил довести дело до конца, ощущалась некоторая нехватка энергии. Я лишь радовалась, что оказалась способна понимать привычную письменность и мне не придется оставаться слепой к буквам неграмотной невеждой.

Стоило мне ступить за порог Зала Вечной Роскоши, как в нос ударил густой, насыщенный аромат. Это был не приторный запах обычных румян и пудры, а скорее напоминал

выдержанное годами пьянящее вино, в котором, чудилось мне, таилась легкая, едва уловимая нотка крови — если только это не было плодом моего воображения.

Сяо Чань опередила меня, толкнула дверь и почтительно отступила в сторону, ожидая, пока я войду.

Я окинула взглядом слобовавших за мной слуг и стражников: все они, как и она, молчаливо держались в тени, словно боялись привлечь к себе мое внимание. Я и сам был не против того, чтобы за мной никто не следовал и не следовали по пятам. Переступив порог, я шагнул в комнату, скрытую от посторонних глаз слоями свисающих красных марлевых полотен, из-за чего внутреннее убранство казалось нечетким и размытым. Тот самый густой аромат стал еще сильнее, смешиваясь с каким-то неуловимым, изысканным благоуханием... В то же время отчетливее зазвучал и запах крови.

Раздвигая одну за другой вуали, источавшие дурманящие ароматы, я постепенно начал различать очертания человека. Пройдя сквозь последнюю преграду, я наконец отчетливо разглядел худую фигуру и воочию увидел весь этот таинственный Зал Вечной Радости.

Пожалуй, теперь я отчасти понимал, почему у Сяо Чань было такое странное выражение лица, когда она упоминала Зал Вечной Радости. Начинало доходить до меня и то, до какой степени безумной и необузданной была прежняя хозяйка этого тела — Куан Сихань.

Смутно припоминалось изречение из исторических записок: Сын Неба эпохи Инь предавался развлечениям на песчаных холмах, устроив пруды с вином и леса из подвешенного мяса, и заставлял обнаженных мужчин и женщин гоняться друг за другом в пиру, длившемся бесконечные ночи. Это был классический образчик распутства правителя древности. Судя по всему, Куан Сихань разделяла те же пристрастия.

Огромная комната была разделена на две половины. На одной стороне находился искусственно выдолбленный квадратный нефритовый бассейн. Прозрачная до самого дна вода была полна до краев, казалось, она вот-вот перельется через край. Вино испускало пьянящий аромат, заставляя хмелеть и забывать о течении времени. На стенах висели картины столь откровенного содержания, что от их реалистичности бросало в краску. У края бассейна сидели и лежали несколько прекрасных юношей, одетых лишь в полупрозрачные пятицветные шелка; их щеки покраснели от веселья, а глаза сияли манящим блеском.

Заметив меня, они не спешили подниматься и лишь кокетливо махали рукой, возможно, уже слишком опьянев, чтобы найти силы встать... Я невольно отвел взгляд.

Другая половина комнаты являла собой совершенно иное зрелище.

Кнуты из всевозможных материалов, баночки и склянки неизвестного назначения, палки и клинки разных размеров, большинство из которых были усеяны шипами и скрытыми механизмами, стопки подсвечников с потеками воска, а также золотые и серебряные иглы, от вида которых стыла кровь... Чего здесь только не было, все пестрило и соперничало друг с

другом в изощренности. От увиденного захватывало дух, и я невольно заподозрил, что попал в темницу, предназначенную исключительно для пыток и допросов.

И тем не менее, все это вместе взятое не шло ни в какое сравнение с одинокой хрупкой фигурой в самом центре. Или, возможно, стоило мне лишь бегло окинулем взглядом этот пестрый парад диковин, как в поле моего зрения остался только этот единственный человек.

На человеке была надета лишь наспех накинутая просторная белая шелковая одежда, едва прикрывавшая основание бедер и обнажавшая длинные, прекрасные, белые ноги. Большая часть открытой кожи на плечах и шее была покрыта синяками и ссадинами, а на некоторых участках даже проступала кровь. На белой ткани виднелись прорехи, сквозь которые отчетливо проступали пугающие следы от ударов плетью. Ее руки были высоко подвешены, а на запястьях красовались украшенные драгоценными камнями золотые браслеты, оставившие вокруг кожи резкие красные следы. Лицо казалось бледным, как снег, густые черные волосы напоминали перья ворона, а длинные ресницы легко дрожали, подобно крыльям бабочки. Это напоминало одинокий листок, кружащийся на ветру без всякой опоры, но в то же время излучало какую-то зыбкую, трагическую красоту.

— Ты... — ошеломленно замер я на месте, чувствуя, как трудно сделать даже шаг. Если подойти ближе, то как заговорить, что сказать? А если развернуться и уйти, это пойдет вразрез с велением сердца и оставит горечь сожаления.

Кто она? В чем она провинилась? Почему ее приковали здесь?

Вопросы один за другим проносились в голове, но ни один из них не мог вырвать меня из состояния оцепенения от охватившего меня восхищения.

Пожалуй, заметив мой взгляд, подвешенная женщина слегка шевельнулась, и браслеты издали нежный звон. Ее полуприкрытые ресницы медленно поднялись, словно легкий ветерок коснулся моей щеки, оставив после себя мягкое, щемящее ощущение... Я невольно затаил дыхание.

Когда она спокойно подняла на меня глаза, мне показалось, будто меня ударили тяжелым предметом: сердце на миг пропустило удар, и я совершенно забыл о первоначальной цели своего визита. Кто бы мог подумать, что впервые в жизни я буду смотреть на кого-то, не отрывая глаз, не в силах сдержать чувства — и при этом этот человек окажется женщиной, точно так же, как и я.

У нее были необычайно глубокие глаза. Встретившись с ней взглядом, я будто бы уловил янтарный отблеск в ее холодных, похожих на звезды зрачках, но при внимательном рассмотрении они казались лишь неподвижной гладью глубокого водоема, в котором отражался мой собственный почти безумный взгляд.

Казалось, она нисколько не удивлена моему появлению. Заметив, что я в упор разглядываю ее, она даже не выказала смущения, лишь спокойно разомкнула губы:

— Цзян Чжо приветствует княгиню Лин.

Ее голос звучал мягко и изысканно, но интонации были ровными и невозмутимыми, столь твердыми, словно она вовсе не была пленницей, приговоренной к заточению и пыткам.

— Цзян Чжо?

Так вот она кто — та самая телохранитель Цзян.

Я внезапно вспомнил слова Сяо Чань: для Куан Сихань и тех, кто ее окружает, так называемая забота, любовь и развлечения действительно нечто из ряда вон выходящее...

— Вы... — я запнулся, невольно переведя взгляд в другую сторону, где продолжающие пить и веселиться юноши в полупрозрачных одеждах шумно смеялись, и тут же сменил тему: — Уходите все. Возможно, Куан Сихань уже давно внушала этим людям страх и уважение, так что моё бесстрастное выражение лица по-настоящему испугало нескольких юношей. Они тут же уняли свой легкомысленный вид, наспех отдали честь и, толкая друг друга, поспешили уйти.

Когда в комнате остались только мы вдвоём и воцарилась тишина, я облизала губы и на мгновение подумала: пожалуй, выгонять тех парней было не лучшим решением.

— Как самочувствие княгини, нет ли каких-ускользающих хвори? — нарушив затянувшееся молчание, первой заговорила она.

— Уже, уже всё в порядке... — я прикусила губу, собираясь напрямую спросить о том, что произошло ранее.

Однако, не успела я и слова сказать, как дверь за спиной легко постучали, и сквозь многослойные марлевые занавеси донёсся голос Сяо Чань:

— Ваша светлость, время вышло, вам пора возвращаться.

Я не стала отвечать ему, лишь глядя в глаза Цзян Чжо, но растеряла всю храбрость, чтобы заговорить во второй раз.

— Есть ли у княгини какие-то указания? — заметив, что я хочу что-то сказать, но не решаюсь, равнодушно спросила она.

— Эй там, снимите с неё кандалы! — досадливо повернувшись, громко бросила я в сторону дверей.

Дверь отворилась, и вошли Сяо Чань вместе с телохранителями Бин Сань и Бин Сы, которых прислала Янь Кэ. Сяо Чань опустил голову и не смел взглянуть на меня, а Бин Сань отдал половинный поклон на коленях и глухим голосом произнес: Докладываю Вашему Высочеству, эти наручники являются данью, пожалованной самим императором, ключ хранится у вас лично, а мы, подчиненные, не смеем превышать свои полномочия.

Где ключ? — спросила я у Сяо Чань.

Он осторожно взглянул на меня, немного тихонько отступил назад и вполголоса ответил: Отвечаю Вашему Высочеству, ключ... вы выбросили.

Куда выбросила? — пусть приказ отдавала не я, но раз уж я заняла это тело, теперь именно мне расплачиваться за последствия.

В озере... на заднем дворе, — выпалил он с невероятной быстротой и тут же отошел в сторону, опустив голову и затаив дыхание, словно опасаясь, что мой гнев обрушится на него.

И впрямь особа царской крови — в таком дворе еще и целое озеро имеется.

Если взглянуть на это с оптимизмом, по крайней мере Куан Сихань не относится к числящимся лишь на бумаге обедневшим аристократам, чье величие держится исключительно на долгах... это единственное, чем я могла себя утешить.

Мысленно тяжело вздохнув, я почему-то даже искрами страха ощутила нежелание поворачиваться и смотреть на выражение лица Цзян Чжо — быть может, можно вызвать мастеров, чтобы они взломали замок? Или просто разрубить его мечом?

Я медлила и молчала, остальные тоже не смели заговорить без позволения, а боковым зрением я заметила, что Сяо Чань явно собирается мне напомнить — я знала, что отведенное Янь Кэ время в четверть часа уже истекло, но просто делала вид, будто ничего не замечаю. Пока не будет решена проблема с Цзян Чжо, я вовсе не желал уходить.

— Неужели Ванъе собирается отпустить Цзян Чжо? — не торопясь спросила подвешенная женщина, которая следила за каждым нашим движением.

— Верно, только... — Я обернулся, встретившись взглядом с ее ясными глазами, и почувствовал, как мои щеки пылают от жгучего стыда. Мне хотелось извиниться, но слова застряли в горле — в моем нынешнем положении, пожалуй, так поступать не полагалось.

— Раз так, — она с пониманием кивнула, и ее руки вдруг резко дернулись в стороны. Раздался громкий хруст — она голыми руками сорвала и сломала тяжелые кандалы. — Прошу Ванъе простить меня.

Я инстинктивно скользнул взглядом по ее запястьям и заметил кровавый след, оставленный железными наручниками. От этого зрелища у меня самого едва не заболели руки.

Она же, казалось, вовсе ничего не чувствовала и лишь беззаботно стряхнула пыль с рук.

Неужели у этой женщины совсем нет болевого порога?

Супруг

Хотя эти наручники и были отлиты из золота — мягкого и податливого металла, — обычная плоть и кровь не способна с ними справиться. По крайней мере, хрупкое тело Куан Сихань на такое было не способно.

Однако этот на вид такой же тощий и хрупкий телохранитель Цзян смогла... Из этого следовало, что даже с подвешенными руками она не потеряла способность к нападению.

Судя по моим догадкам, все те раны на ее теле наверняка были делом рук Куан Сихань.

На моем месте у меня вряд ли хватило бы великодушия простить столь жестокое обращение.

Но значит ли это, что смерть Куан Сихань прямо связана с ней?

Я все еще помнил выражение ее лица при первой встрече: в нем не было ни капли страха или совести, задетой тайным грехом. Это могло означать лишь одно из двух: либо она была абсолютно невиновна, либо обладала невероятно глубоким и изворотливым умом.

Оставалось лишь надеяться, что это не второй вариант.

— Дерзко! Эти золотые кандалы — императорская дань! Порча имперских подношений приравнивается к тяжкому преступлению против царской власти... — резко оборвал ее Бин Сы, положив руку на рукоять ножа на поясе. Казалось, еще мгновение — и он бросится схватить невозмутимую Цзян Чжо.

— Ничего, не нужно... — Я торопливо остановил его и украдкой бросил взгляд на Сяо Чань, которая до этого служила лишь частью пейзажа. — На этом мы закончим. Я не хочу, чтобы об этом узнал кто-то еще, кроме присутствующих, уяснили?

— Слушаюсь, Ваша Светлость, — Бин Сань и Бин Сы переглянулись, склонили головы и отдали честь.

Сяо Чань тут же сообразила вовремя напомнить:

— Княгиня, пора возвращаться.— Угу, пойдём.

Я снова невольно посмотрела на поклонившуюся Цзян Чжо. Её слегка растрёпанные пряди закрывали глаза, не позволяя мне разобрать выражение её лица.

— Телохранитель Цзян... отдохни как следует, я...

Я замолчала. При Бин Сань, Бин Сы и Сяо Чань продолжать эту фразу было неуместно: чтобы не вызвать лишних подозрений, лучше пока промолчать.

— Счастливого пути, Ваше Высочество.

Судя по ее ровному, безэмоциональному голосу, в моей заботе она не нуждалась.

Побережав слабость этого тела, я могла лишь плестись следом за семенящей Сяо Чань, медленно возвращаясь обратно. До спальни мы добирались больше получаса — вдвое дольше, чем планировалось изначально. Неудивительно, что ожидавшая у дверей Янь Кэ выглядела такой мрачной.

Зная за собой вину, но совершенно не понимая, как именно та общается с Куан Сихань, я с бесстрастным лицом прошла мимо неё. Послушно разувшись при помощи Сяо Чань, я прислонилась к изголовью кровати, взяла чашку чая и принялась медленно потягивать его, чувствуя при этом сильную тревогу.

— Все вон.

Войдя за мной в комнату, она взмахнула рукой на остальных и холодно приказала:

— Я проводила взглядом пятящуюся к выходу Сяо Чань, которая по простоте душевной ещё и прикрыла за собой дверь. Тёплые тона комнаты мгновенно погрузились в тень, отчего лицо Янь Кэ стало казаться ещё более непроницаемым.

У меня в груди всё ёкнуло. Я судорожно сжала чашку покрепче, согревая пальцы о её стенки и пытаюсь сохранить самообладание: в случае необходимости её можно было швырнуть как оружие...

— Ваше Высочество, вы нарушили слово.

Неожиданно напряжённая атмосфера рассеялась. Она качнула подолом и присела на краешек моей кровати. На её лице играла лёгкая, беспомощная улыбка — ни следа прежней суровой строгости. Это заставило меня усомниться: не накрутила ли я себя лишний раз?

— Я... — она прямо смотрела на меня, и её взгляд можно было назвать поистине нежным. Я замешкалась, не зная, стоит ли первой признать вину.

Но она заговорила первой:

— Ваше Высочество, не сердитесь, я вовсе не собиралась вас упрекать.

Я тихонько промычала в ответ и, воздержавшись от лишних слов, стала ждать продолжения.

— Просто этот телохранитель Цзян — человек из дворца, нет гарантии, что она не подослана той стороной. Нельзя терять бдительность, Ваше Высочество, лучше держаться от неё подальше.

Она протянула руку и аккуратно пододеяла уголок моего одеяла. Эта заботливая мягкость до боли напомнила мне ворчливую бабушку дома, и в носу у меня защипало.

— Ттушка Кэ права, я запомню, — отдавая ей чашку, я послушно легла и ответила с улыбкой.

Её рука, принимавшая чашку, чуть замерла. Её персиковые глаза скользнули по мне с лукавой усмешкой, наполовину в шутку, наполовину всерьёз заметив:

— Сегодня прямо-таки чудеса: Ваше Высочество даже не вскочила защищать ту особу. Просто невероятно.

Если я не ошибаюсь, та особа, о которой она говорила, — это родная сестра Куан Сихань,

императрица Государства Дау.

Неужели раньше Куан Сихань была бунтаркой и любила всем перечить, а теперь моя покладистость и послушание лишь вызвали у неё подозрения?

Я услышала, как она с ностальгической улыбкой смахнула со лба мои растрёпанные пряди и легонько подбила одеяло:

— Не думала, что этот приступ болезни так сильно усмирит упрямый нрав Вашего Высочества. Похоже, нет худа без добра.

— Ттушка Кэ, раньше я действительно вела себя неподобающе и заставляла вас тревожиться, — сжав её руку и тщательно подбирая слова, произнесла я. — Проснувшись в этот раз, я словно заново родилась. Почти всё в прошлом забылось, зато пришло понимание многих истин... Вы должны знать: я больше прежняя Куан Сихань.

Сначала заложу почву: когда в будущем они заметят мои перемены, это сойдет за слабое объяснение и поможет унять их подозрения.

— Ваше Высочество преувеличивает, — она с улыбкой высвободила руку, крепко сжала мою в ответ, а затем аккуратно убрала её обратно под одеяло. Глядя мне прямо в глаза, она с усердием, слово за словом, произнесла: — Вам достаточно просто оставаться собой — Ттушка Кэ навсегда останется Ттушкой Кэ для Вашего Высочества, и это не изменится до конца моих дней.

Под таким пристальным и глубоким взглядом я не знала, что ответить, поэтому лишь растерянно кивнула и закрыла глаза, делая вид, что задремала.

Створки двери приоткрылись и снова сошлись. В комнате воцарилась пустая тишина, я осталась совсем одна.

Я открыла глаза и уставилась на тусклый свет, струившийся сквозь оконную решётку, но сон пропал окончательно... Куан Сихань, о Куан Сихань, каким же человеком ты была?

Судя по словам Янь Кэ о приступе, неужели ты и впрямь скончалась от врождённой сердечной недостаточности?

А какую роль во всём этом играла Цзян Чжо, которую ты видела последней перед потерей сознания?

Всю ночь у меня в голове крутились то окровавленные белые одежды, то эта неизменно спокойная женщина, преследуя меня даже во сне... Наконец забрезжил рассвет. Я тряхнула тяжёлой от недосыпа головой, приподняла полог балдахина и робко позвала:

Голос прозвучал хрипло и тихо, казалось, услышать его могла только я сама, но Сяо Чань тут же постучала в дверь и тихо спросила:

— Ваше Высочество изволили проснуться?

<http://bllate.org/book/21773/2251636>